
РАССКАЗЫ А. ПЛАТОНОВА О МАКАРЕ ГАНУШКИНЕ (ОБ ИСТОЧНИКАХ ТВОРЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА)

О.Ю. Алейников

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются рассказы А. Платонова о Макаре Ганушкине в свете творческих стратегий писателя, воссоздающего в художественном тексте «внешний материал»: газетные и литературные источники, историко-биографические факты. Выявляется соотношение сказки и реальности, пропагандистского дискурса и художественного текста, устанавливаются важнейшие текстопорождающие факторы. В научный оборот вводятся ранее неизвестные и не опубликованные документы, имеющие существенное значение для изучения специфики формирования и реализации творческого замысла П. Платонова на рубеже 1920—1930-х гг. (в период его работы над рассказами «Усомнившийся Макар», «Отмежевавшийся Макар»).

Ключевые слова: проза А. Платонова, источники текста, творческие стратегии.

Смена подходов к источниковедческой проблематике платоновских рассказов о Макаре Ганушкине достаточно показательна для истории восприятия произведений писателя. Вскоре после опубликования рассказа «Усомнившийся Макар» в девятом номере журнала «Октябрь» за 1929 г. идеологически ангажированные литературные критики начали приписывать А. Платонову антиисторизм, вызванный, по их мнению, злонамеренным пребыванием прозаика в «небесных туманностях философской фантазии» [1. С. 263]. В течение многих десятилетий обвинения в искажении исторических фактов влияли на восприятие рассказа, принесшего писателю неоднозначную «всесоюзную известность». В книге избранных произведений, выпущенной в 1958 г., вопреки отчуждению вокруг имени и творчества А. Платонова краткое упоминание «Усомнившегося Макара» сопровождалось повторением тезиса о «неверном освещении действительности» [4. С. 10].

В 1960, 1970-е гг., первой половине 1980-х векторы критических оценок постепенно менялись, но об исторических реалиях, переосмысленных в рассказе о Макаре Ганушкине, речь не велась — исследователи выясняли «фольклорные истоки» образа героя. Правда, и в этом случае при обращении к тексту произведения интерпретаторы платоновской прозы не имели возможности открыто ставить и обсуждать вопрос о том, что события и факты, неполно или искаженно представленные в советской историографии, могли заменяться в литературном творчестве нарочитыми фантастическими и сказочными подробностями. Лишь немногие ученые, как правило, работавшие за рубежом, упоминали о реализации данной художественной стратегии в произведениях А. Веселого, Вс. Иванова, А. Малышкина, Вяч. Шишкова, других писателей. (Характерно, например, замечание Ю.К. Щеглова о происходившей в 1920 и 1930-е гг. «трансформации» исторических реалий в фольклор, «скрадывающей» связь изображаемого с «непосредственной газетной актуальностью» [11. С. 11].)

В условиях цензуры именно фольклорные образы и мотивы, использованные в рассказе «Усомнившийся Макар» для постановки и обсуждения насущных социальных и нравственных проблем, чаще всего оказывались в поле зрения исследователей. Так, говоря о специфике пути героев писателя «в поисках счастья», В.П. Скобелев

отмечал характерное для многих из них «преображение», подобное тому, что «происходит с Иванушкой» из русской сказки: «Над наивными прожектерами ... такими людьми, как Макар Ганушкин и Пухов, — заключал ученый, — впору бы посмеяться, но именно они после всех своих скитаний, приключений и чудачеств оказываются дальновидными и мудрыми — во всяком случае в пределах того платоновского мира, где им предопределено действовать» [9. С. 68].

Л.А. Шубин доказывал, что повествовательная позиция, избранная писателем в «Усомнившемся Макаре», позволяла интерпретировать социальную реальность сквозь призму народной сказки, но отмечал, что сюжет, реализованный в произведении, сам А. Платонов никакой «сказкой не считал»: повествование, по мнению исследователя, в данном случае велось «по былинам нашего времени...» [3. С. 330].

«Паспортизация» исторических реалий, воссозданных в рассказах о простодушном, но изобретательном и смышленном мужике Макаре, в 1970 и 1980-е гг. чаще всего лишь подразумевалась, поскольку документы, необходимые для этой работы, подавляющему большинству исследователей были недоступны.

Поиск письменных источников платоновских рассказов о Макаре Ганушкине предпринимается в 1990-е. Этим разысканиям сопутствовали, но, к сожалению, не всегда способствовали рассчитанные на публицистический эффект републикации «Усомнившегося Макара», осуществленные в конце 1980-х, а также поспешные оценки и выводы, сделанные после обнародования в 1991 г. рассказа «Отмежевавшийся Макар». Прежде неизвестный платоновский текст был воспринят рядом литературных критиков как «отступление писателя» от прежних творческих позиций, обусловленное «гибельными обстоятельствами», выпавшими на долю биографического автора. Недавно стали известны и такие маргиналии Платонова, как «1928 год — год моей смерти» (сообщение М. Богомоловой), однако установлено, что эта запись оставлена на полях другого произведения. И сделана до публикации рассказа об «усомнившемся» герое.

В наши дни широко распространено мнение, что в «Отмежевавшемся Макаре» смоделирована пережитая писателем ситуация рубежа 1929–1930 гг., а замысел произведения вызван стремлением А. Платонова ответить на уничтожающую критику, инспирированную свыше. Нельзя не признать, что публикации тех лет откликаются в тексте произведения. «Сознательная культработница» ссылается на слова руководителя РАППа («вождя тов. Авербаха») и заявляет, что Макар — это «мелкобуржуазный подкулацкий человек», перефразируя обвинения в «мелкобуржуазности», «кулацких лозунгах», предъявленные писателю в статье Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах», растиражированной советскими изданиями (1).

Но при обращении к архивным источникам история создания произведений о Макаре Ганушкине оказывается намного сложнее. Прежде всего необходимо учесть, что авантесом сюжетно связанных рассказов о Ганушкине являются сказы-были о Макаре Прохорове, сохранившиеся в семейном архиве Платоновых. В состав этих материалов, подготовленных для передач «Крестьянской радиогазеты» [7. С. 693], входил и «рассказ о том, как Макар Прохоров возвратился в свою деревню после того, как он в качестве выдвиженца приблизил городские учреждения к социализму, и о том, как он отдыхал в деревне от делов» [7. С. 693].

Данная фабульная подробность позволяет утверждать, что творческий посыл, побудивший писателя переносить действие из столицы в деревню, продолжая повествование о жизни своего героя, предшествовали созданию рассказа «Усомнившийся Макар».

Рождению замысла могли послужить реальные события, ставшие известными писателю в годы работы журналистом. В «семейном архиве» сохранилась статья А. Платонова под названием «Круговорот. Как делается “Крестьянская радиогазета”» с важным свидетельством: «почти все содержание радиогазеты основано на реальных историях» [7. С. 695], но конкретные источники (письма, официальные документы), иная «фактография», переосмысленная в «былях» о Макаре, в статье не приводились.

Обращение к фондам провинциальных архивов, содержащим материалы о деятельности А. Платонова, журналиста и мелиоратора, позволяет продолжить поиск источников и прототипов его рассказов о крестьянине-выдвиженце. В одном из дел, хранящемся в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области, удалось выявить циркуляр, распространенный «срочно, всем» весной 1921 г. Воронежским губернским комитетом РКП(б) и губисполкомом «на основании телеграммы ЦК РКП и Наркомзема» [3. С. 25]. Согласно этому документу уездам предлагалось к «6 апреля выслать одного крестьянина, предпочтительно беспартийного, занимающегося до настоящего времени хозяйством, немолодого, но достаточно энергичного, искренне стоящего за советскую власть», чтобы направить его в Москву и «использовать в течение трех-четырёх месяцев для инструкторской работы Наркомзема и Губземотдела, установления связи с массами, а также дальнейшего привлечения крестьян к работе земорганов» [3. Л. 25].

Циркулярное письмо было вызвано к жизни очередной импровизацией большевиков, вскоре после провозглашения «новой экономической политики» решивших вовлекать крестьян, не утративших вкуса к хозяйствованию, в идеологические и административно-организационные кампании (2).

В марте 1921 г. губернские власти указывали «на особую важность и серьезность задания» [3. Л. 25 (об)] по отбору кандидата для командировки в Москву из числа беспартийных «энергичных» мужиков, все еще «стоявших за советскую власть». Но невероятность события была очевидна для всех, кто не опомнился от порядков, установленных в годы военного коммунизма.

Отсылка именно к этой эпохе появляется в рассказе «Усомнившийся Макар», работа над которым велась писателем вскоре после завершения романа «Чевенгур». Контаминация времен в романе фокусировала внимание читателя на настроениях и порядках, порожденных военным коммунизмом [2. С. 128—137]. Но прямые параллели между той эпохой и 1928—1929 годами не проводились.

Иначе организованы сюжетно-повествовательные связи рассказа «Усомнившийся Макар»: указанным историческим параллелям здесь придается большое значение, акцентированное в тексте. Для сопоставления времен существенны, например, следующие подробности, сообщаемые рассказчиком: «Макар ездил в поездах девять лет тому назад, в девятнадцатом году. Тогда его везли задаром, потому что Макар был сразу похож на батрака, и у него даже документов не спрашивали» [6. С. 219].

В изменившейся, другой уже эпохе, напрасно рассчитывая, что «советская твердая власть... теперь и вовсе задаром возит всех нуждающихся», герой добирается до пункта назначения без денег, почти как в первые пооктябрьские годы, но в стесненных и унижительных условиях — скрываясь от «стражника-контролера» под вагоном, в приспособлении для перевозки вещей.

Возвращаясь мыслями в 1919 г., Макар Ганушкин «стал думать» [6. С. 219]. И, как следствие, сюжетная модель, возлагающая миссию исполнения народных чаяний на героя с узнаваемым, но неверным амплуа «дурака», на этом этапе действия явно преобразуется. Прибыв в центр «чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь под

золотыми головами храмов и вождей» [6. С. 220], Макар встречается много удручающего, не совпадавшего с надеждами таких, как он, выходцев из демократической народной среды.

В социально-бытовой сказке, отправляясь в «главный город» за каким-либо делом, причиняет убытки (себе и/или встречным) чаще всего сам герой повествования. В рассказе А. Платонова убыточен столичный город, государственно-бюрократический аппарат. Чтобы получить у «начальника массовых людей» ничего не значащую резолюцию, Макару приходится долго блуждать «по ущельям профсоюзного дома» [6. С. 225]. Из-за установленных порядков изобретения, способные принести значительную экономическую пользу, практически никак не используются и почти никак не оцениваются («неимущим изобретателям» выдается «рубль на харчи» и «обратный билет на железную дорогу»).

Рабочие ютятся в бараках, но строят «вечный» «неимоверный дом» на берегу реки (т.е. многоквартирный элитный «Дом правительства», возводимый на набережной Москвы-реки). С этой прозрачной аллюзией соотносится выразительная деталь, основанная на реалиях, известных современникам А. Платонова: адрес «настоящего пролетариата» — это ночлежка, подконтрольная специальной бюрократической службе: «Без конторы, оказывается, сейчас же началось бы повсюду светопреставление, а писцы давали всей жизни хоть и медленный, но правильный ход» [6. С. 227] — так передает рассказчик мысли Макара, «законопослушного», но не утратившего способности различать разницу между временами.

Возраст героя, другие «анкетные» данные («немолодой, но достаточно энергичный», «беспартийный» [3. Л. 25]), его доброжелательное отношение к советской власти в целом соответствуют требованиям, сформулированным в приведенном выше документе. Но пребывание в столице постепенно вносит изменения в прежние наивные взгляды. Очевидна склонность героя к выявлению недочетов: «вдруг открыл недостаток постройки...» [6. С. 224]. Появляются и опасения в будущем «поведении» властей: «Ничего себе властишка! — оценил Макар. — Только надо, чтобы она не избаловалась, потому что она наша!» [6. С. 226].

Ганушкин ведет себя как человек «сочувствующий». То принимает за заботу угрозу железнодорожного контролера высадить его как безбилетного пассажира на станции с буфетом. То пытается найти в сравнениях с прошлым повод для оправдания современности. Однако в подобной идеологической позиции, весьма характерной для пропаганды первого пооктябрьского десятилетия, обнаруживается существенный изъян: настолько невыигрышными оказываются приводимые в рассказе примеры. «Раньше, в дореволюционную бытность, бедный класс приклонял свою голову на простую землю, и над той головою шли дожди, светил месяц, брели звезды, дули ветры, а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая, — сообщает рассказчик. — Нынче же голова бедного класса отдыхала на подушке под потолком и железным покровом крыши, а ночной ветер природы уже не беспокоил волос на голове бедняка, некогда лежавшего прямо на поверхности земного шара» [6. С. 226].

Положение рабочих в приведенном описании сомнительно «улучшено»: до революции их место на свете было соизмеримо с «поверхностью земного шара», над «головой пролетариата» «шли дожди, светил месяц, брели звезды, дули ветры». Теперь же пролетариат отдыхает в ночлежке «под потолком и железным покровом крыши», казалось бы, навсегда променяв жизнь внутри природы на городскую цивилизацию в ее советском исполнении. Об «убыточности» подобного образа жизни свидетельствуют один из персонажей рассказа: «Здесь не природа, а культура, — объяснил

Петр. — Здесь люди живут семьями без размножения, тут кушают без производства труда...» [6. С. 226].

Глубокие «сомнения» вызывают у Макара слова «бедного класса» о том, что в новых условиях особенно «душа дорога».

«Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце... Даешь душу, раз ты изобретатель!», — формулируют нравственный императив пролетарии, чуткие к несовершенствам нового общества [6. С. 228].

У города, изображенного в рассказе, — свои правила. «Поумнев», Ганушкин вынужден согласиться, чтобы его на время объявили «опасным дураком», которому, как в сказке, сразу же будет предложена обильная и бесплатная еда: «щей чугуна и каши два чугуна» [6. С. 233].

Возвращаясь к источникам произведения, отметим, что в реальном историческом измерении переходного времени — в соответствии с официальным письмом — «сказочные» условия жизни предлагались тому, кто на свой страх и риск согласится отправиться в столицу накануне посевных работ. Губернский комитет РКП(б) выдавал заманчивые обещания: пока командированный в Москву крестьянин «будет оторван от своего хозяйства», местные власти должны принять «специальные и действенные меры» для «обеспечения его хозяйства помощью, «чтобы земля была своевременно обработана, отсеменена и прочее» [3. Л. 25 (об)].

Абсурдность ситуации, предполагавшей раздачу выдвиненцам привилегий и бесплатных благ за счет хозяйств, переходивших к новым формам хозяйствования, была очевидна. В рассказе «Усомнившийся Макар» эти реалии переосмыслены особым образом — «сказочные условия» пребывания в столице приехавшего из деревни мужика отчетливо окарикатурены: воспользоваться ими можно лишь в психиатрической лечебнице.

На этом этапе действия появляется отсылка к «историческому межсезонью» (И. Борисова), в котором составлялись нелепые распоряжения, подобные приведенному выше циркуляру. Несмотря на мнимую «отсталость», платоновские герои — крестьянин Макар и рабочий Петр — находят нужную «книгу» и в заведении для «больных душой» людей читают вслух слова из опубликованной «Правдой» в 1923 г. статьи В.И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», содержащей резкую критику советских учреждений, законов, «чиновничьих бумажек»: «Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях сидят враждебные нам люди, а иные наши товарищи стали сановниками и работают, как дураки...» [6. С. 233].

Выявляя актуальность приведенных положений и оценок для «эпохи реконструкции», в сказах-былях о Макаре А. Платонов разрешает конфликт остроумной сюжетной «рокировкой», приводящей к относительно благополучному финалу: дураков «настоящих» сменяют дураки мнимые. «Видал? — спросил Макар Петра. — Ленина и то могли замучить учреждения, а мы ходим и лежим, а Ленина спасти не можем... Книгу я эту отсюда украду, потому что здесь учреждение, а завтра мы пойдем в любую контору и скажем, что они — дерьмо и дураки, а мы — рабочие и крестьяне» [7. С. 707].

Сказ о похождениях Макара в столице, созданный для «радиогазеты», завершался упоминанием о сне героев, решивших «отдохнуть от дневных забот в сумасшедшем доме» [7. С. 707]. Переработка авантекста в рассказ сопровождалась усилением символики (в опубликованную редакцию произведения включен сон Макара о победе над огромной полой статуей, олицетворявшей государство, равнодушное к своим гражданам).

В свете интересующей нас источниковедческой проблематики следует отметить, что самоидентификация героя «среди прочих трудящихся масс» в качестве не только изобретательного мужика, но и как выдвиженца, подготовленного для «установления связи с массами», является важным смысловым мотивом в платоновском повествовании о Ганушкине.

В рассказе «Отмежевавшийся Макар», словно реанкорнируя задачи, сформулированные в приведенном выше документе, герой пытается «научно» инструктировать колхозников, но на данном поприще «слабеет» «от выдвиженческой деятельности» и не может «ничего выдумать, сколько ни надувался» [6. С. 236]. Шагать «дальше по культурной почве, на которой уже давно закончился агроминимум», нет никакой возможности — выдвиженца считают заурядным бездельником, а волновавший его пролетарский наказ о душе получает интерпретацию в соответствии с эпохой радикальной реконструкции: «Значит, бога нет, — пояснила женщина. — А душа есть не предмет, а отношение людей среди коммунизма!» [6. С. 237].

Бюрократический дискурс, казалось бы, отмененный в финале «Усомнившегося Макара», вновь обнаруживает свою сращенность с «практикой социалистического строительства». По заключению рассказчика, демонстрирующего свое «созвучие» эпохе, «Макар осознал себя социальным условием — и с тем смирился среди теплоты трудящихся масс. А впоследствии он умер от слабости сердца, не перенесшего наступившего его организованного счастья...» [6. С. 237].

Дальнейшее повествование подводит итог источникам творческого замысла, реализованного в рассказах о Ганушкине: «вослед его худому, равнодушному телу шла печальная тракторная колонна, вернувшаяся с межселенной пахоты...»

Похоронная процессия символизирует прощание не только с Макаром, изобретателем и тружеником, пытавшимся честно исполнять свой долг неравнодушного человека, однако заслужившим «механическую честь» лишь «во время смерти». С гибелью героя происходит прощание с надеждами и сомнениями демократического большинства, от имени которого велось повествование в сказах о крестьянине-выдвиженце. В «Отмежевавшемся Макаре», как и в жизни, радикально изменившейся в год Великого Перелома, не остается места иному мнению, кроме доведенному официально: «Одним врагом стало меньше, он не выдержал темпа счастья, — сказала знакомая Макару сознательница на его могиле, и всем ее слушателям стало легче и лучше. А вечером эта женщина написала открытку тов. Авербаху, что Макар мертв и перспектива гораздо видней» [6. С. 238].

Как известно, к важнейшим факторам, обеспечивающим изучение художественных стратегий писателя, Б. Мейлах относил не только «общественно-историческую атмосферу, в которой создавалось произведение, но и реакцию «творящего субъекта» на события, связанные с этой атмосферой», полагая, что «все это важно для понимания импульсов творчества и объективного содержания произведения» [5. С. 24].

Для А. Платонова значимым текстопорождающим фактором в период работы над рассказами о Макаре Ганушкине была история из 1921 года о командированном в Москву простодушном, рачительном и «вьедливом» [8. С. 115] мужике, соотнесенная с годом Великого Перелома.

Примечания

(1) См.: На литературном посту. — 1929. — № 21/22. См. также: «Октябрь» (1929, № 11), «Правда» (1930, 3 дек.).

(2) Эта история, надо сказать, будет забыта спустя десятилетия. Между тем в конце 1920-х она была актуальна и для прозаика А. Новикова, работавшего вместе с А. Платоновым над материалами для «Крестьянской радиогазеты». Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Т.А. Никонову, указавшую на сходство художественных решений писателей в освещении данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Авербах Л.* О целостных масштабах и частных Макарах // Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии. Сборник. — М., 1994.
- [2] *Алейников О.Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография. — Воронеж, 2013.
- [3] ГАОПИ ВО. — Ф. 1, оп. 1, д. 318.
- [4] *Левин Ф.* Андрей Платонов // Платонов А. Избранные рассказы. — М., 1958.
- [5] *Мейлах Б.С.* Талант писателя и процессы творчества. — Л., 1969.
- [6] *Платонов А.* Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. — М., 2009 (Собрание).
- [7] Рассказы А. Платонова для крестьянского радио 1928–1930-х гг. / Вступ. статья и подготовка текста Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5. — М., 2003.
- [8] *Свительский В.А.* Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе. — Воронеж, 1998.
- [9] *Скобелев В.П.* О народном характере в прозе А. Платонова 20-х годов // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. — Воронеж, 1970.
- [10] *Шубин Л.* Сказка про усомнившегося Макара: А. Платонов. Опыт сатирической мысли // Перспектива—89: Советская литература сегодня. — М., 1989.
- [11] *Шеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. — СПб., 2009.

LITERATURA

- [1] *Averbakh L.* O tselostnyh masshtabah i chastnyh Makarah // Andrei Platonov: Vospominaniia sovremennikov. Materialy k biografii. Sbornik. — M., 1994.
- [2] *Aleynikov O.U.* Andrei Platonov i ego roman «Chevengur». Monografiia. — Voronezh, 2013.
- [3] ГАОПИ ВО. — Ф. 1, оп. 1, д. 318.
- [4] *Levin F.* Andrei Platonov // Platonov A. Izbrannnye rasskazy. — M., 1958.
- [5] *Meilakh B.S.* Talant pisatel'ia i protsessy tvorchestva. — L., 1969.
- [6] *Platonov A.* Usomnivshijsia Makar: Rasskazy 1920-kh godov; Stihotvoreniia. — M., 2009 (Sobranie).
- [7] *Rasskazy A. Platonova dlia krest'ianskogo radio 1928–1930-kh gg.* / Vstup. stat'ia i podgotovka teksta E. Antonovoi // «Strana filosofov» Andreia Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 5. — M., 2003.
- [8] *Svitelsky V.A.* Andrei Platonov vchera i segodnia. Statyi o pisatele. — Voronezh, 1998.
- [9] *Skobelev V.P.* O narodnom haraktere v proze A. Platonova 20-kh godov // Tvorchestvo A. Platonova. Statii i soobshcheniia. — Voronezh, 1970.
- [10] *Shubin L.* Skazka pro usomnivshegosia Makara: A. Platonov. Opyt satiricheskoi mysli // Perspektiva—89: Sovetskaia literatura segodnia. — M., 1989.
- [11] *Shcheglov U.K.* Romany Il'fa i Petrova. Sputneyk chitatelia. — SPb., 2009.

A. PLATONOV'S SHORT STORIES ABOUT MAKAR GANUSHKIN (SOURCES OF THE CREATIVE CONCEPTION)

O.Y. Aleinikov

Department of World and Russian Literature
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the examination of A. Platonov's stories about Makar Ganushkin, in particular, examination of some features of creative strategy of the writer who recreates «external material» in the text: newspaper and references, historical and biographic facts. Platonov's text connects fairy tales and realities, propaganda and the art. We introduce the documents earlier not known and not published which have essential value for studying of creativity of A. Platonov in the 1920th — the 1930th years (during his work on short stories «The Dubious Makar», «The Kept Separate Makar»).

Key words: Platonov's prose, sources of the text, creative strategies.